Научная статья /
Research Article

https://elibrary.ru/IYCEYX
УДК 821.161.1.0
ББК 83.3(2Рос=Рус)7

ИСТОРИЯ, ПАМЯТЬ И ИДЕНТИЧНОСТЬ РУССКИХ СТАРОЖИЛОВ МОНГОЛИИ В РОМАНЕ А. ВЕРЕТНОВОЙ «БЕЛАЯ МОНГОЛКА»

© 2025 г. А.В. Исаков
Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук, Улан-Удэ, Россия
Дата поступления статьи: 29 января 2025 г.
Дата одобрения рецензентами: 25 марта 2025 г.
Дата публикации: 25 декабря 2025 г.
https://doi.org/10.22455/2500-4247-2025-10-4-238-257

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда (проект № 23-18-00478, https://rscf.ru/project/23-18-00478/) в ИМЛИ РАН

Аннотация: В статье рассматривается роман А. Веретновой «Белая монголка», посвященный истории русской диаспоры в Монголии, одной из представительниц которой является сама автор. Исследуется специфика конструирования ею истории и идентичности русских Монголии на основе различных дискурсов — как уже прежде бытовавших внутри и вокруг данной группы, так и впервые привнесенных в эту тему. Установлено, что роман неразрывно связан с процессами конструирования коллективной памяти и идентичности русских Монголии, которые начались во второй половине XX в. В нем нашли отражение внутренние и внешние дискурсы о диаспоре, а также культурная травма, ставшая частью идентичности современных русских Монголии. Вместе с тем автор привнесла новое видение исторической судьбы диаспоры, используя специфические литературные дискурсы. Важное место в романе занял дискурс исключительной судьбы русских Монголии, который соседствует с дискурсом отвержения и компенсирует его, символически «излечивая» коллективную травму. Негативному опыту прошлого противопоставляется идея исключительного патриотизма, связи с предками, уникального сибирского происхождения и особого предназначения людей фронтира, к которым в романе относятся русские старожилы Монголии.

Ключевые слова: русские Монголии, литература русского зарубежья, историческая память, идентичность диаспоры, культурная травма.

Информация об авторе: Александр Викторович Исаков — младший научный сотрудник, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук, ул. Сахьяновой, д. 6, 670047 г. Улан-Удэ, Россия. https://orcid.org/0000-0003-3416-9683

E-mail: alexandr_isakov98@vk.com

Для цитирования: *Исаков А.В.* История, память и идентичность русских старожилов Монголии в романе А. Веретновой «Белая монголка» // Studia Litterarum. 2025. Т. 10, № 4. С. 238–257. https://doi.org/10.22455/2500-4247-2025-10-4-238-257

This is an open access article distributed under the Creative Commons Attribution 4.0 International (CC BY 4.0)

Studia Litterarum,
vol. 10, no. 4, 2025

HISTORY, MEMORY AND IDENTITY OF RUSSIAN OLD-TIMERS OF MONGOLIA IN A. VERETNOVA'S NOVEL *WHITE MONGOLIAN WOMAN*

© 2025. Aleksandr V. Isakov
Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Brunch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russia
Received: January 29, 2025
Approved after reviewing: March 25, 2025
Date of publication: December 25, 2025

Acknowledgements: The research was carried out at IWL RAS and supported by the Russian Science Foundation, project no. 23-18-00478 (https://rscf.ru/en/project/23-18-00478/).

Abstract: The article examines A. Veretnova's novel *White Mongolian Woman*, dedicated to the history of the Russian diaspora in Mongolia, of which the author herself is one. The article examines the specifics of her construction of the history and identity of Russians in Mongolia based on various discourses — both those that had previously existed within and around the diaspora and those brought to this topic for the first time. It has been established that the novel is inextricably linked with the processes of constructing the collective memory and identity of the Russian diaspora in Mongolia, which began in the second half of the twentieth century. It reflects internal and external discourses about the diaspora, as well as the cultural trauma that has become part of the identity of modern Russians in Mongolia. At the same time, the author brought a new vision of the historical fate of the diaspora, using specific literary discourses. The novel emphasizes the discourse of the exceptional fate of the Russians of Mongolia, which coexists with the discourse of rejection and compensates for it, symbolically "healing" the collective trauma. The negative experience of the past is contrasted with the idea of exceptional patriotism, connection with ancestors, unique Siberian origin, and special purpose of the people of the frontier, which in the novel includes the Russian old-timers of Mongolia.

Keywords: Russians of Mongolia, literature of the Russian diaspora, historical memory, diaspora identity, cultural trauma.

Information about the author: Aleksandr V. Isakov, Junior Researcher, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Brunch of the Russian Academy of Sciences, Sakhyanovoy St., 6, 670047 Ulan-Ude, Russia. https://orcid.org/0000-0003-3416-9683

E-mail: alexandr_isakov98@vk.com

For citation: Isakov, A.V. "History, Memory and Identity of Russian Old-Timers of Mongolia in A. Veretnova's Novel *White Mongolian Woman*." *Studia Litterarum*, vol. 10, no. 4, 2025, pp. 238–257. (In Russ.) https://doi.org/10.22455/2500-4247-2025-10-4-238-257

Введение

Русская диаспора в Монголии до недавнего времени оставалась вне поля внимания отечественных исследователей. Эта тема появилась на страницах научных изданий лишь полтора десятилетия назад. В первую очередь следует назвать культурно-антропологические исследования, посвященные идентичности и устной истории русских Монголии [4; 5, с. 170–195; 6; 11; 12; 13]. Внимание ученых привлекли также процессы конструирования коллективного образа русских Монголии в советский и постсоветский периоды, имеющие политическую подоплеку [3; 9; 10].

В этой статье мы обратимся к литературе русских Монголии, которая прежде не становилась предметом специального рассмотрения. Нужно сказать, что, в отличие от русской эмиграции в западных странах и Китае, русская диаспора в Монголии не обладает собственной литературной традицией. Первые опыты литературного творчества русских Монголии, которые нам известны, относятся уже к началу XXI в. Тем не менее, в силу уникальной исторической судьбы, которая отличает монгольскую ветвь русского зарубежья, их литература представляет определенный интерес для исследователей — в первую очередь как пространство репрезентации и конструирования коллективной идентичности и исторической памяти. В данной работе мы рассмотрим наиболее крупное произведение, созданное представительницей диаспоры, — роман Анжелики Веретновой «Белая монголка» (2019).

Цель нашего исследования — установить специфику конструирования истории и идентичности русских старожилов Монголии в романе А. Веретновой «Белая монголка» в контексте их устной истории и публичных дискурсов о диаспоре.

Исследование опирается на ряд теоретических концепций, связанных с проблемами культурной памяти, идентичности и их отражения в литературе. Это теория коллективной памяти, разработанная в трудах М. Хальбвакса [15; 16] и А. Ассман [2], конструктивистская концепция культурной травмы Дж. Александера [1, с. 255–309; 18], концепция автобиографии как инструмента конструирования индивидуальных и коллективных идентичностей [21; 22; 23]. Непосредственной основой исследования текста стала теория и методика дискурс-анализа, представленная в работах Э. Лаклау и Ш. Муфф [20], Н. Фэркло [19], М.В. Йоргенсен и Л.Дж. Филлипс [7].

В качестве материала исследования, помимо самого романа А. Веретновой, привлекаются опубликованные тексты других представителей диаспоры и записи интервью с ними, представленные в научных публикациях. Кроме того, мы опираемся на материал, собранный в ходе полевых исследований 2023–2024 гг. коллективом проекта «Русские Монголии. Комплексное исследование культуры в иноэтническом окружении (фольклор, обрядовые традиции, язык)», в состав которого входит и автор настоящей статьи.

Особенности формирования идентичности и коллективной памяти русских старожилов Монголии

Русская диаспора в Монголии сформировалась в результате нескольких волн переселения из приграничных районов России. Самые ранние русские переселенцы появились в Монголии еще до революции. Следующие волны миграции приходятся на годы Гражданской войны и коллективизации. Специфика геополитического положения Монголии предопределила своеобразный правовой статус и историческую судьбу русских переселенцев и их потомков в советский период. Поскольку Монголия находилась в тесных связях с Советским Союзом и во многом была подконтрольна советской внешней политике, русские в Монголии тоже оставались в поле внимания своего государства. Они были советскими гражданами, обучались в русскоязычных школах, открытых при поддержке СССР, призывались на фронт Великой Отечественной войны. Вместе с тем нельзя сказать, что русская диаспора надолго осталась изолированной от монгольского общества. Родившиеся в Монголии русские быстро осваивали местный язык, поступали в учебные заведения, становились работниками не только советских, но

и монгольских организаций и нередко достигали профессионального успеха и достаточно высокого социального статуса. Советский Союз порою использовал русскую диаспору и как ресурс для реализации своих проектов в Монголии — например, когда при строительстве железной дороги, ставшей совместным советско-монгольским предприятием, жителей русских деревень массово переселили в те пункты, где должны были появиться железнодорожные станции, чтобы русские стали их основным обслуживающим персоналом [14, с. 7–11].

В какой же момент у русских старожилов Монголии, изначально поселившихся в соседней стране при разных обстоятельствах, появляется особая идентичность, чувство общей судьбы? Если рассматривать идентичность как дискурсивный феномен, то моментом возникновения идентичности следует считать ее артикуляцию в рамках определенного дискурса. Заметим, что «этого не происходит до тех пор, пока кто-нибудь не начнет говорить о группе, или от имени группы, или не сообщит, что группа конституирована» [7, с. 88]. Для русских старожилов Монголии такой момент коллективной репрезентации наступает в послевоенные годы. В это время можно выделить два фактора, которые способствуют формированию коллективной идентичности и образа русских Монголии. Первое — это создание в 1954 г. Общества советских граждан, постоянно проживающих в Монголии [14, с. 13]. Эта организация, подконтрольная советскому посольству, сформировала официальный дискурс о русской диаспоре и впервые представила ее в качестве юридически признанного субъекта. Второе, не менее судьбоносное для идентичности и коллективной памяти событие — распространение среди советских специалистов, приезжающих в Монголию на временную работу, слухов о «местнорусских» — потомках беглых белогвардейцев-семёновцев. В фольклоре советских специалистов складывается экзотизированный образ русских старожилов Монголии — наследников легендарных «белых» (их, как известно, в советской культуре было принято демонизировать), которые якобы укрылись от возмездия и живут, до сих пор храня у себя оружие времен Гражданской войны [9; 10]. Этот дискурс не был ограничен исключительно слухами внутри сообщества «специалистов» — он имел социальные последствия, неблагоприятные для русских старожилов. По их рассказам, приезжие из СССР предвзято относились к «местнорусским»: не допускали их в учреждения для «специали-

стов», занижали оценки детям в школе и т. д. В результате, по заключению А.В. Михалёва, русские старожилы Монголии превратились в субальтернов — группу, занимающую подчиненное положение в политической системе и лишенную собственного голоса, чтобы оспорить внешние стереотипы о себе [9]. Как показывает исследование современной коллективной памяти и идентичности русских Монголии, столкновение с экзотизирующим и дискриминирующим дискурсом о «местнорусских» стало для них культурной травмой, т. е. событием, которое «оставляет неизгладимые следы в их групповом сознании, навсегда отпечатывается в их памяти и коренным и необратимым образом изменяет их будущую идентичность» [1, с. 255].

Коллективная травма, связанная с клеветой и дискриминацией советского времени, заметно повлияла на современный дискурс диаспоры о собственном прошлом. В автобиографических нарративах многих русских Монголии устойчиво повторяются эпизоды унижения со стороны советских специалистов [3, с. 878]. Общим местом семейных историй стало оспаривание тезиса о «семёновцах» — предателях Родины: рассказчики стараются деполитизировать факт миграции вплоть до того, что их предки даже не собирались переселяться в другое государство — просто граница не была обозначена и никем не охранялась [3, с. 877]. Эта культурная травма проявляется не только на уровне автобиографий и семейных историй, но и когда речь идет о судьбе диаспоры в целом. В постсоветский период созданная при посольстве организация переродилась в Общество российских граждан, активисты которого поставили своей целью бороться за права русских старожилов, добиваться их признания со стороны исторической родины. В своих публичных выступлениях они позиционируют русских Монголии как оклеветанное, несправедливо обделенное вниманием государства сообщество, последовательно оспаривают мнение о недостаточном патриотизме русских старожилов [3, с. 876–879]. Это становится аргументом и при предъявлении различных политических, экономических требований к государству. Например, один из лидеров диаспоры В. Дунаев в открытом письме к российскому послу, требуя решить жилищную проблему, обеспечить доступ к российскому образованию и равные права с монгольскими гражданами, делает особенный акцент на том, что русские в Монголии «смогли сохранить преданность гражданству России, сохранили русскую культуру» [25]. В целом в среде русских старожилов Монголии конструируется «образ

своей диаспоры как сообщества, которое вынужденно, в силу непреодолимых обстоятельств оказалось оторвано от своей родины — России, но все время сохраняло ей верность даже вопреки отвержению и дискриминации» [3, с. 879–880].

Впрочем, наряду с определенной консолидацией и политической мобилизацией на основе общих проблем и коллективного опыта в последние десятилетия происходят и противоположные процессы — ассимиляция русских в монгольской среде в результате межнациональных браков, уменьшение диаспоры из-за обратной миграции в Россию или переезда в третьи страны. Однако и после переезда из Монголии многие потомки русских старожилов продолжают ощущать себя причастными к диаспоре. Так, в Сибири они называют себя «монголёрами» и продолжают поддерживать связь друг с другом [14, с. 12–13]. Русские Монголии, поселившиеся в других странах, тоже порою продолжают рефлексировать по поводу истории и идентичности своего сообщества, примером чему служит А. Веретнова, переехавшая из Монголии в Германию и спустя некоторое время написавшая свой роман.

Появление этого произведения — первого крупного художественного сочинения, целиком посвященного исторической судьбе русских Монголии, — можно рассматривать как очередной этап в формировании коллективной памяти и идентичности диаспоры. В предшествующий период их представления о своем сообществе формировались главным образом в поле социальной памяти, которая, согласно теории А. Ассман, основывается на непосредственной коммуникации и ограничена обычно временем жизни трех поколений. Литературный текст является уже фактом культурной памяти — более устойчивой, чем социальная, поскольку она выражена в объективированной форме произведений культуры [2, с. 29–34]. Конечно, пока трудно судить, насколько роман «Белая монголка» способен повлиять на коллективную память и идентичность русских Монголии в долговременной перспективе. Однако сам факт его создания уже можно рассматривать как неординарное событие в культурной жизни диаспоры, достойное специального рассмотрения.

Роман А. Веретновой «Белая монголка»: жанр, структура, сюжет

В своем романе А. Веретнова изображает историю русской диаспоры в Монголии через историю своей семьи и собственную биографию. Роман состоит из двух частей, которые имеют различную жанровую природу. Первая часть изображает жизнь предков главной героини в Забайкалье и их переселение в Монголию. Эта часть романа по содержанию и стилю тяготеет к исторической беллетристике. Вторая часть, посвященная истории русских Монголии во второй половине XX в., основывается на личном жизненном опыте автора, ее воспоминаниях и переживаниях. В отличие от первой части, где повествование ведется от лица отстраненного, внедиегетического нарратора, здесь рассказ ведется от лица главной героини. В силу этого вторая часть гораздо более документальна и психологична, тяготеет к мемуарному жанру. Общее творческое решение романа, заключающееся в сочетании документальных и автобиографических фактов с элементами беллетризации и вымысла, позволяет рассматривать его как текст autofiction, представляющий художественное переосмысление собственной жизни и семейной истории.

Первая часть начинается с экскурса в жизнь дальних предков героини. Родион и Клавдия — русские переселенцы, приехавшие в Сибирь в поисках лучшей жизни. Однажды Родиона убивают в драке, и Клавдия, тяжело переживая удар судьбы, все больше забрасывает своих детей. Их усыновляет соседняя семья. Ульяна — дочь Клавдии — вырастает и сама становится приемной матерью для бурятского мальчика из рода хамниганов (ассимилированных бурятами эвенков), которому дают имя Богдан. В годы Гражданской войны Богдан вступает в армию барона Унгерна. Когда в Забайкалье начинается «красный террор», Богдан с матерью решают переселиться в Монголию. Так же делают и некоторые другие русские семьи. Здесь Богдан женится на девушке Есении, тоже бежавшей из Забайкалья. Они обустраиваются на новом месте, у них рождается дочь Шурочка. Чтобы избежать преследования со стороны советской власти за сотрудничество с Унгерном, Богдан меняет имя и становится для всех окружающих китайцем Ван Чаном. Однако в конце концов он все же попадает под каток репрессий, и его расстреливают. На этом заканчивается первая часть романа. Как становится ясно из второй части, Богдан и Есения — это прадедушка и прабабушка главной героини, а их дочь Александра — ее бабушка.

Вторая часть романа имеет рамочную композицию. Она начинается в наши дни, когда главная героиня (ее зовут Арина, хотя подразумевается, что это сама автор романа), будучи за границей, обсуждает со знакомым свое происхождение и задумывается о прошлом русских Монголии. Далее действие переносится во вторую половину XX в., во времена ее детства и юности, прошедших в Улан-Баторе. Рассказчица погружает читателя в повседневную жизнь русских Монголии, которые оказались «чужими для своих»: верные своему государству и русской культуре, они не признаются своими среди советских специалистов и вынуждены жить на границе между русским и монгольским мирами, не принадлежа ни к одному из них. Уже в школе героиня сталкивается с этой проблемой, когда детей русских специалистов записывают в комсомол, монголов — в монгольский ревсомол, а детей «местнорусских» не берут никуда. Чувство отверженности, подкрепленное сложными отношениями с матерью, порождает у героини желание выбраться куда-то наружу из этого места, найти мужчину-иностранца, с которым можно будет уехать за границу. Еще будучи старшеклассницей, она знакомится с каким-то европейцем, беременеет от него и делает аборт. В дальнейшем Арина постоянно ищет связей с зарубежными мужчинами, в том числе за деньги, чтобы найти заработок в трудные времена, наступившие в Монголии после краха социалистического лагеря. В конце концов она все же находит своего мужчину — обеспеченного немца, с которым уезжает в Германию и остается там жить. Здесь действие возвращается к настоящему времени.

В конце второй части героиню начинают преследовать видения, которые помогают ей узнать о прошлом своей семьи. Загадочные знаки приводят ее в Бурятию, где она понимает, что именно отсюда происходят ее предки — русские сибиряки и буряты-хамниганы. Образ волчицы, являвшийся ей в видениях, — это мифическая покровительница хамниганского рода, из которого происходил ее прадед. Так история замыкается, и личная судьба Арины обретает связи с судьбами ее предков. Это осознание помогает ей преодолеть чувство потерянности и отчуждения, которое преследовало ее на протяжении жизни. Как говорит автор романа в послесловии, описанные в первой части события действительно явились ей как некое чудесное прозрение, которое помогло ей понять историю своей семьи и собственное происхождение.

Далее мы подробнее остановимся на том, как в романе конструируется образ русских старожилов Монголии и какую роль в этом играют различные дискурсы — как уже прежде бытовавшие внутри и вокруг диаспоры, так и привнесенные в эту тему создательницей романа.

Дискурсивное пространство первой части романа и авторский взгляд на происхождение диаспоры

В основе сюжета первой части романа лежит типичная семейная история русских старожилов Монголии, какие сегодня можно услышать от многих из них. Сюжет о переселении во времена политической нестабильности в поисках более спокойной жизни традиционно объясняет миграцию предков в устных нарративах современных русских Монголии. Однако наряду с дискурсом семейного предания в этой части романа заметное место принадлежит и другим дискурсам, очевидно имеющим литературное происхождение. Соединение этих разных дискурсов порождает новый взгляд на происхождение русской диаспоры в Монголии, отличный от их устной истории.

Художественная реконструкция жизни предков Арины в дореволюционной Сибири в основном происходит в рамках дискурса о Сибири как об экзотическом, фронтирном пространстве, которое одновременно служит местом испытания переселенцев и сулит награду самым стойким из них. Этот дискурс зарождается в русской литературе уже в ранний период русского освоения Сибири и продолжает развиваться все последующее время [17]. Уже в первой главе романа повествователь обозначает именно такой образ Сибири: «Гостеприимной хозяйкой была Сибирь к тем, кого суровость ее не спугнула, кто сердце ее большое разглядел, дух ее понял» [24, с. 16]. Фронтирный дискурс о Сибири ярко проявляется также в описаниях «инородческого» быта, когда автор вводит в текст экзотичные для русского читателя картины жизни бурят и эвенков, пересказывает их мифы, описывает шаманские обряды. Эта таинственная, одновременно опасная и притягательная Сибирь становится в романе пространством, в котором происходит зарождение русской диаспоры в Монголии.

Нельзя не заметить, что возникновение диаспоры в романе связывается с политическим противостоянием Гражданской войны: автор акцентирует внимание на том, что русские сибиряки, переселявшиеся в Монголию,

были патриотами дореволюционной России и не приняли новую власть, свергнувшую царя. Мать Богдана во время переезда в Монголию произносит монолог, в котором обозначает большевиков как коллективного врага, вынудившего их покинуть родные места: «А они против кого? Против России! Они царя убили, я слышала! Всю семью! Кто смуту в Сибирь принес? Они! И кто против них? Казаки!» [24, с. 77]. Эта трактовка расходится с устными нарративами современных русских Монголии, которые предпочитают деполитизировать историю миграции своих предков и чаще всего отказываются признавать какую-либо связь с белым движением, каковую приписывали русским старожилам в советское время.

А. Веретнова, наоборот, делает акцент на связи своих предков с противниками советской власти и преподносит это не как постыдный факт, а как повод для гордости. Дело в том, что она рассматривает события Гражданской войны не с точки зрения советского дискурса, в рамках которого и зародились стигматизирующие слухи о монгольских «семёновцах», а с точки зрения современного российского дискурса о белой эмиграции, где культивируется идеализированный образ эмигрантов как истинных патриотов и защитников русской культуры [8, с. 207]. Отметим, что автор романа ясно обозначает свой взгляд на Гражданскую войну как национальную трагедию, как и причастность к «белому» дискурсу: роману предпослан эпиграф «Посвящается всем жертвам Гражданской войны в России 1917–1920 годов» [24, с. 3], а завершает первую часть цитата из элегического стихотворения поэта-белоэмигранта Ивана Савина [24, с. 129].

В такой интерпретации история русских Монголии оказывается вписана в большой нарратив о русском зарубежье, и предки русских старожилов встают в один ряд с романтизированными героями белого движения. Примечательно, что современные активисты русской общины в Монголии иногда отмечают разрыв между идентичностью западной ветви русской эмиграции и их собственным самосознанием, связанный с тем, что первые позиционируют себя в качестве преемников дореволюционной элиты, а вторые — как потомки крестьян, мигрировавших вовсе не по политическим соображениям, а в поисках спокойной жизни и пропитания [3, с. 877–888]. Взгляд на историю диаспоры, представленный в романе А. Веретновой, позволяет преодолеть эту оторванность русских Монголии от основной части русского зарубежья, возникновение которого традиционно связывается

именно с миграцией патриотов «старой России». И даже обычно отвергаемая русскими Монголии «белогвардейская» версия их происхождения здесь наполняется совсем иным, положительным значением.

Изображая миграцию в Монголию как осознанный выбор своих предков, А. Веретнова также отказывается от традиционного для устной истории утверждения об отсутствии в период переселения российско-монгольской границы. Момент пересечения границы специально выделен в ее повествовании: герои ясно осознают, что они покинули Россию [24, с. 73].

Еще один момент явной полемики с дискурсом устной семейной истории связан с образом прадедушки главной героини. Бабушка Арины говорила, что он китаец, но в первой части романа рассказывается, что на самом деле он был казаком-бурятом, который вынужденно сменил имя и национальность. В одном из примечаний ко второй части романа А. Веретнова пишет, что истории о прадедушках-китайцах — «всего лишь рассказы прабабушек, в них верят все безоговорочно и на них строятся истории семей» [24, с. 155]. В устных семейных историях русских Монголии действительно часто встречается сюжет о женитьбе русской бабушки на китайце [3, с. 877]. Почему же автор романа стремится опровергнуть это «общее место» коллективной памяти? Можно предположить, что замена чужестранца-китайца на соотечественника-бурята (к тому же воспитанного в приемной русской семье) делает происхождение главной героини (и всей диаспоры в ее лице) «более русским». Такая прагматика данного мотива вполне вероятна, поскольку в современных дискуссиях об истории и идентичности русских старожилов действительно встречаются утверждения об их «азиатской крови» и изменившемся в связи с этим менталитете. Этот тезис прозвучал в рамках заочной полемики на страницах русскоязычного монгольского журнала «Ургинские ведомости» между бывшим настоятелем улан-баторского православного храма А. Трубачом и представителем старожильческого сообщества Л.М. Матвеевым [14, с. 15–16]. В то время как первый утверждает, что современные русские Монголии — потомки смешанных браков, второй, хоть и не отрицает браки русских женщин с китайцами, говорит о них как о явлении не столь частом: «...у нас в двух деревнях было две таких семьи» [26, с. 5]. А. Веретнова же и вовсе предлагает видеть в истории о дедушке-китайце вероятную ошибку памяти или целенаправленную мистификацию, тем самым дополнительно «русифицируя» генеалогию русских старожилов Монголии.

Дискурсы отвержения и исключительности в контексте коллективной травмы

Перейдем к анализу второй части романа. В ее основе лежит дискурс отвергнутой диаспоры, общий для устной истории и письменных текстов русских старожилов Монголии. Ряд эпизодов романа перекликается с типичными сюжетами устных рассказов о жизни русских Монголии в позднесоветский период. Таков, например, уже упомянутый эпизод о советской школе, в которой училась Арина: «Будущих ревсомольцев и комсомольцев классный руководитель попросила встать и, разделив на группы, увела на собрание, даже не взглянув в мою сторону. Моего имени ни в одном из списков не было» [24, с. 142]. В другом эпизоде Арина и ее подруга встречают на улице советских парней-военных. Узнав, что они «семёновки», те спрашивают: «А правда, что у вас в туалетах тайники, полные золота, и старинные винтовки?» [24, с. 169]. О подобных высказываниях приезжих из СССР сегодня нередко вспоминают русские старожилы Монголии [13, с. 108]. Все эти сюжеты — проявление коллективной памяти о дискриминации и клевете, с которыми столкнулись представители диаспоры.

Отражены в романе и попытки русских старожилов улучшить свое положение после распада СССР. Мать Арины становится активисткой, организует акции протеста у российских учреждений, добивается приезда священника, установки памятника на русском кладбище и поездки детей в Россию. Вместе с тем большая часть задач остается нерешенной, и другие представители диаспоры не спешат ее поддерживать [24, с. 201–202]. Поиск признания со стороны современной российской власти — «больная тема» для активистов русского сообщества в Монголии, которую они воспринимают в контексте своей коллективной травмы [3, с. 879].

Резюмируя судьбу своих соотечественников в Монголии, А. Веретнова высказывается в том же духе, что и упомянутый выше В. Дунаев в письме к российскому послу, создавая образ отвергнутой, но преданной своей Родине диаспоры: «...нас неуклонно и незаметно заставляли себя стыдиться: ярлыками, ущемлением прав, игнорированием нашего существования, запретом близких контактов с нами — вплоть до самой страшной кары: высылки за двадцать четыре часа из страны; для военных — лишения звания. А мы — уже несколько поколений, рожденных в Монголии, — упорно говорили и думали на русском; вставали в очередь за советскими паспорта-

ми; пекли куличи на Пасху; варили борщи, окрошку; пили квас из чайного гриба; пели на празднованиях русские народные песни; хоронили родных на русском кладбище по русским обычаям; и учили русскому языку, русской культуре своих детей» [24, с. 167].

Примечательно, что дискурс отвержения проявляется в романе не только в связи с коллективной судьбой русских Монголии, но и в повествовании о личной судьбе главной героини. Она сама постоянно испытывает отвержение со стороны тех, к кому тянется, — матери и симпатичных ей мужчин. Заглавие второй части романа «Лишняя у судьбы» можно отнести и к автобиографии героини, и к истории диаспоры: они в этой части романа сливаются в общий нарратив, ведущими мотивами которого становятся отвержение и поиск заветного признания.

Но нужно заметить, что наряду с дискурсом отвержения во второй части романа присутствует и другой дискурс, в рамках которого конструируется образ диаспоры и главной героини. Это дискурс исключительности, по-своему компенсирующий опыт отвержения. С самого начала второй части наряду с деталями, характеризующими русских старожилов Монголии как отвергнутую диаспору, в тексте появляются характеристики, подчеркивающие ее уникальные черты и достоинства. Такой уникальной чертой А. Веретнова представляет пограничное положение русских Монголии, их причастность и к русскому, и к монгольскому мирам: «...как перекати-поле мы — местные, без препятствий вращались между иностранными, советскими и монгольскими мирами, с прекрасным знанием монгольского и русского языков (а некоторые даже и китайского), являясь тоненькой ниточкой, связывающей их» [24, с. 141]. Это позволяет ей даже сказать, что «с одной стороны, быть местной было здорово» [24, с. 167]. Отметим, что и само название романа — «Белая монголка» — выражает идею двойственной самоидентификации главной героини. Исключительным явлением предстает в романе и патриотизм русских Монголии, их стойкая преданность Родине, несмотря ни на что.

Дискурс исключительности контрапунктом проходит через текст второй части и к концу романа выходит на первый план. Здесь проявляются уникальные способности Арины: к ней являются духи-покровители, она видит жизнь далеких предков. Вновь на страницах романа возникает экзотический образ Сибири, в которой на пересечении народов и куль-

тур рождаются уникальные люди, к числу которых принадлежит и Арина. Мистическое воссоединение с предками помогает героине наконец преодолеть чувство потерянности и отчужденности, ее история получает завершение. Здесь же символически завершается и нарратив о нелегкой судьбе русских Монголии, в которой проявляется некий смысл и целенаправленность — будучи людьми фронтира, они должны были хранить верность Родине в далеком чужом краю, как это делали когда-то их предки в Сибири. Таким образом дискурс исключительной судьбы русской диаспоры в Монголии дополняет дискурс отвержения и позволяет в рамках художественного текста «излечить» коллективную травму, представив негативный опыт прошлого как необходимое испытание, уготованное судьбой.

Заключение

Можно заключить, что роман А. Веретновой «Белая монголка» неразрывно связан с процессами конструирования коллективной памяти и идентичности русской диаспоры в Монголии, которые начались во второй половине XX в. В романе нашли отражение внутренние и внешние дискурсы о данной группе, а также культурная травма, ставшая частью идентичности современных русских Монголии.

В основе образа русских старожилов Монголии в романе лежит их собственный дискурс о диаспоре, незаслуженно подвергнутой дискриминации и прошедшей испытание на верность Родине. Текст романа во многом перекликается с устными рассказами современных русских Монголии и публичными выступлениями активистов старожильческого сообщества.

Вместе с тем автор привнесла новое видение исторической судьбы диаспоры, используя дискурсы, заимствованные из более широкого литературного и культурного контекста. Это фронтирный дискурс о Сибири и дискурс белой эмиграции, в рамках которых история русских Монголии оказывается вписана в общерусскую историю и в особенности в популярный нарратив о русском зарубежье.

Некоторые «общие места» устной истории русских старожилов в романе оказываются оспорены: так, А. Веретнова политизирует историю миграции; подвергает сомнению коллективную память о массовых браках русских женщин с китайцами.

Важное место в романе также занимает дискурс исключительной судьбы русских Монголии, который соседствует с дискурсом отвержения и компенсирует его, символически «излечивая» коллективную травму. Негативному опыту прошлого противопоставляется идея исключительного патриотизма, связи с предками, уникального сибирского происхождения и особого предназначения людей фронтира, к которым в романе относятся русские старожилы Монголии.

Список литературы

Исследования

1 *Александер Дж.* Смыслы социальной жизни: Культурсоциология / пер. с англ. Г.К. Ольховикова, под ред. Д.Ю. Куракина. М.: Издат. и консалтинговая группа «Праксис», 2013. 640 с.

2 *Ассман А.* Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / пер. с нем. Б. Хлебникова. М.: Новое литературное обозрение, 2014. 328 с.

3 *Биткеева А.Н., Исаков А.В.* Дискурсы конструирования исторической памяти о местнорусских в Монголии // Oriental Studies. 2024. Т. 17, № 4. С. 870–882. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-74-4-870-882

4 *Бураева О.В., Наранцэцэг Д.* Русские в Монголии: свидетельство А.И. Маслова // Современная научная мысль. 2019. № 6. С. 167–176.

5 *Дампилова Л.С.* Сохранность и трансформация фольклорных традиций бурят России, Монголии, Китая. Иркутск: Оттиск, 2023. 216 с.

6 *Жамбалова С.Г.* Устные истории русских Монголии // Мир Центральной Азии-V: сб. науч. ст. Новосибирск: СО РАН, 2022. С. 299–301.

7 *Йоргенсен М.В., Филлипс Л.Дж.* Дискурс-анализ. Теория и метод / пер. с англ. и науч. ред. А.А. Киселевой. 2-е изд., испр. Харьков: Гуманитарный Центр, 2008. 352 с.

8 *Матвеева Ю.В.* Образ белой русской эмиграции в советском литературном пространстве // Политическая лингвистика. 2011. № 2 (36). С. 203–208.

9 *Михалев А.В.* Местнорусское население Монголии. Статус «Другого» в условиях политических трансформаций XX века // Исследования Tartaria Magna. 2011. № 1. С. 54–64.

10 *Михалев А.В.* Создавая врага: «местнорусские» в Монголии // Обозреватель – Observer. 2015. № 9 (308). С. 105–119.

11 *Пурэв А., Сундуева Д.Б.* Русское старожильческое население современной Монголии: проблемы самоидентификации // Этносоциальные процессы в Сибири. Материалы XII Международного семинара в рамках Третьих Центрально-Азиатских исторических чтений. Новосибирск: ИФП СО РАН, 2015. Вып. 10. С. 207–211.

12 *Сундуева Д.Б.* Культурная идентичность малых этнических групп Восточно-Забайкальского трансграничья. Чита: ЗабГУ, 2019. 343 с.

13 *Сундуева Д.Б.* Нарративная история и «жизненный мир» русской общины Монголии // Дискуссия. 2014. № 10 (51). С. 101–112.

14 *Сундуева Д.Б.* Русские старожилы Монголии: страницы истории // Русские старожилы Монголии в воспоминаниях, очерках и фотографиях / сост. Д.Б. Сундуева, В.Л. Кляус. М.: ИМЛИ РАН, 2024. С. 5–18.

15 *Хальбвакс М.* Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. 2005. № 2. URL: https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/kollektivnaya-i-istoricheskaya-pamyat.html (дата обращения: 23.12.2024).
16 *Хальбвакс М.* Социальные рамки памяти / пер. с фр. и вступ. ст. С.Н. Зенкина. М.: Новое изд-во, 2007. 348 с.
17 Between Heaven and Hell: The Myth of Siberia in Russian Culture / ed. by G. Diment and Y. Slezkine. New York: Palgrave Macmillan, 1993. 278 p.
18 Cultural Trauma and Collective Identity / ed. by J.C. Alexander, R. Eyerman, B. Giesen, N.J. Smelser, P. Sztompka. Berkeley: University of California Press, 2004. 316 p.
19 *Fairclough N.* Discourse and Social Change. Cambridge: Polity Press, 2006. 259 p.
20 *Laclau E., Mouffe C.* Hegemony and Socialist Strategy. Towards a Radical Democratic Politics. 2nd ed. London; New York: Verso, 2001. 198 p.
21 *Marcus L.* Autobiography: A Very Short Introduction. Oxford: Oxford University Press, 2018. 145 p.
22 Strategies of Representation in Auto/biography / ed. by M. Hove and K. Masemola. New York: Palgrave Macmillan, 2024. 186 p.
23 The Palgrave Handbook of Auto/Biography / ed. by J.M. Parsons and A. Chappell. New York: Palgrave Macmillan, 2020. 692 p.

Источники

24 *Веретнова А.* Белая монголка. Екатеринбург: Издат. решения, 2019. 244 с.
25 *Дунаев В.* Ответ ветерана русской общины Дунаева В.А. Послу РФ в Монголии Азизову И.К. // Монголия Сейчас. URL: http://www.mongolnow.com/otvet-veterana-russkoj-obshhiny-dunaeva-v-a-poslu-rf-v-mongolii-azizovu-i-k/ (дата обращения: 05.11.2023).
26 *Матвеев Л.М.* Русская колония в Монголии // Ургинские ведомости. 2007. № 10–11. С. 5–10.

References

1 Aleksander, Dzh. *Smysly sotsial'noi zhizni: Kul'tursotsiologiia* [*The Meanings of Social Life: Cultural Sociology*], trans. from English by G.K. Ol'khovikov, ed. by D.Iu. Kurakin. Moscow, Praxis Publishing and Consulting Group Publ., 2013. 640 p. (In Russ.)

2 Assman, A. *Dlinnaia ten' proshlogo: Memorial'naia kul'tura i istoricheskaia politika* [*The Long Shadow of the Past: Memorial Culture and Historical Policy*], trans. from German by B. Khlebnikov. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2014. 328 p. (In Russ.)

3 Bitkeeva, A.N., and A.V. Isakov. "Diskursy konstruirovaniia istoricheskoi pamiati o mestnorusskikh v Mongolii" ["Discourses of Constructing Historical Memory of Local Russians in Mongolia"]. *Oriental Studies*, vol. 17, no. 4, 2024, pp. 870–882. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-74-4-870-882 (In Russ.)

4 Buraeva, O.V., and D. Narantsetseg. "Russkie v Mongolii: svidetel'stvo A.I. Maslova" ["Russians in Mongolia: A.I. Maslov's Evidence"]. *Sovremennaia nauchnaia mysl'*, no. 6, 2019, pp. 167–176. (In Russ.)

5 Dampilova, L.S. *Sokhrannost' i transformatsiia fol'klornykh traditsii buriat Rossii, Mongolii, Kitaia* [*Preservation and Transformation of Folklore Traditions of the Buryats of Russia, Mongolia, and China*]. Irkutsk, Ottisk Publ., 2023. 216 p. (In Russ.)

6 Zhambalova, S.G. "Ustnye istorii russkikh Mongolii" ["Oral Histories of Russians in Mongolia"]. *Mir Tsentral'noi Azii-V: sbornik nauchnykh statei* [*The World of Central Asia-V: Collection of Scientific Articles*]. Novosibirsk, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences Publ., 2022, pp. 299–301. (In Russ.)

7 Iorgensen, M.V., and L.Dzh. Fillips. *Diskurs-analiz. Teoriia i metod* [*Discourse Analysis. Theory and Method*], trans. from English and scientific ed. by A.A. Kiseleva. 2nd ed., corr. Kharkiv, Humanitarian Center Publ., 2008. 352 p. (In Russ.)

8 Matveeva, Iu.V. "Obraz beloi russkoi emigratsii v sovetskom literaturnom prostranstve" ["The Image of White Russian Emigration in the Soviet Literary Space"]. *Politicheskaia lingvistika*, no. 2 (36), 2011, pp. 203–208. (In Russ.)

9 Mikhalev, A.V. "Mestnorusskoe naselenie Mongolii. Status Drugogo' v usloviiakh politicheskikh transformatsii XX veka" ["Local Russian Population of Mongolia. The Status of the 'Other' in the Context of Political Transformations of the 20th Century"]. *Issledovaniia Tartaria Magna*, no. 1, 2011, pp. 54–64. (In Russ.)

10 Mikhalev, A.V. "Sozdavaia vraga: 'mestnorusskie' v Mongolii" ["Creating an Enemy: 'Local Russians' in Mongolia"]. *Obozrevatel'*, no. 9 (308), 2015, pp. 105–119. (In Russ.)

11 Purev, A., and D.B. Sundueva. "Russkoe starozhil'cheskoe naselenie sovremennoi Mongolii: problemy samoidentifikatsii" ["Russian Old-Timer Population of Modern Mongolia: Problems of Self-Identification"]. *Etnosotsial'nye protsessy v Sibiri. Materialy XII Mezhdunarodnogo seminara v ramkakh Tret'ikh Tsentral'no-Aziatskikh istoricheskikh chtenii* [*Ethnosocial Processes in Siberia. Proceedings of the 12th International Seminar*

Within the Framework of the Third Central Asian Historical Readings], issue 10. Novosibirsk, ISP SB RAS Publ., 2015, pp. 207–211. (In Russ.)

12 Sundueva, D.B. *Kul'turnaia identichnost' malykh etnicheskikh grupp Vostochno-Zabaikal'skogo transgranich'ia* [*Cultural Identity of Small Ethnic Groups of the East Transbaikal Transboundary Area*]. Chita, Transbaikal State University Publ., 2019. 343 p. (In Russ.)

13 Sundueva, D.B. "Narrativnaia istoriia i 'zhiznennyi mir' russkoi obshchiny Mongolii" ["Narrative History and 'Lifeworld' of the Russian Community of Mongolia"]. *Diskussiia*, no. 10 (51), 2014, pp. 101–112. (In Russ.)

14 Sundueva, D.B. "Russkie starozhily Mongolii: stranitsy istorii" ["Russian Old-Timers of Mongolia: Pages of History"]. *Russkie starozhily Mongolii v vospominaniiakh, ocherkakh i fotografiiakh* [*Russian Old-Timers of Mongolia in Memoirs, Essays, and Photographs*], comp. D.B. Sundueva, V.L. Kliaus. Moscow, IWL RAS Publ., 2024, pp. 5–18. (In Russ.)

15 Khal'bvaks, M. "Kollektivnaia i istoricheskaia pamiat'" ["Collective and Historical Memory"]. *Neprikosnovennyi zapas*, no. 2, 2005. Available at: https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/kollektivnaya-i-istoricheskaya-pamyat.html (Accessed 23 December 2024). (In Russ.)

16 Khal'bvaks, M. *Sotsial'nye ramki pamiati* [*Social Framework of Memory*], trans. from French and introd. by S.N. Zenkin. Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., 2007. 348 p. (In Russ.)

17 Diment, Galya, and Yuri Slezkine, editors. *Between Heaven and Hell: The Myth of Siberia in Russian Culture*. New York, Palgrave Macmillan, 1993. 278 p. (In English)

18 Alexander, Jeffrey C., Ron Eyerman, Bernard Giesen, Neil J. Smelser, and Piotr Sztompka, editors. *Cultural Trauma and Collective Identity*. Berkeley, University of California Press, 2004. 316 p. (In English)

19 Fairclough, Norman. *Discourse and Social Change*. Cambridge, Polity Press, 2006. 259 p. (In English)

20 Laclau, Ernesto, and Chantal Mouffe. *Hegemony and Socialist Strategy. Towards a Radical Democratic Politics.* 2nd ed. London, New York, Verso, 2001. 198 p. (In English)

21 Marcus, Laura. *Autobiography: A Very Short Introduction*. Oxford, Oxford University Press, 2018. 145 p. (In English)

22 Hove, Muchativugwa, and Kgomotso Masemola, editors. *Strategies of Representation in Auto/biography*. New York, Palgrave Macmillan, 2024. 186 p. (In English)

23 Parsons, Julie M., and Anne Chappell, editors. *The Palgrave Handbook of Auto/Biography*. New York, Palgrave Macmillan, 2020. 692 p. (In English)